

РЕНЕ МАНЗОР

АПОКРИФ

ДАВИД ИЗ НАЗАРЕТА

И СВЕТ ВО ТЪМЕ СВЕТИТ,
И ТЪМА НЕ ОБЪЯЛА ЕГО...

— ЕВАНГЕЛИЕ ОТ ИОАННА

И СВЕТ ВО ТЪМЕ СВЕТИТ,
И ТЪМА НЕ ОБЪЯЛА ЕГО...

— ЕВАНГЕЛИЕ ОТ ИОАННА

RENÉ MANZOR

APOCRYPHE

CALMANN
LEVY
NOIR

РЕНЕ МАНЗОР

АПОКРИФ
ДАВИД ИЗ НАЗАРЕТА

Роман

ХАРЬКОВ КЛУБ
2019 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.133.1
М23

Никакая часть данного издания не может быть скопирована или воспроизведена в любой форме без письменного разрешения издательства

Переведено по изданию:
Manzor R. Apocryphe : Roman / René Manzor. —
Calmann-Lévy, 2018. — 400 p.

Перевод с французского *Виктора Степанова*

Дизайнер обложки *Владлен Трубчанинов*

ISBN 978-617-12-7285-9 (PDF)
ISBN 978-617-12-6079-5
ISBN 978-2-7021-6425-9 (фр.)

- © Calmann-Lévy, 2018
- © DepositPhotos.com / ginosphotos1, anderus, обложка, 2019
- © Hemiro Ltd, издание на русском языке, 2019
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление, 2019

Марии, моей Вифлеемской звезде

Пилат сказал Ему: что есть истина?

Евангелие от Иоанна, 18:38

ПРОЛОГ

ИЕРУСАЛИМ, ИУДЕЯ,
ПЯТНИЦА, 7 АПРЕЛЯ 30 ГОДА

Он омыл руки в серебряном тазу. Не для того, чтобы смыть с себя кровь, которая сейчас прольется по его милости, а потому, что ему всегда казалось, что они у него становились грязными после того, как он выносил кому-либо приговор.

Жестокий и немилосердный прокуратор Иудеи был скорее солдатом, чем дипломатом. Те, кто утверждали обратное, были либо льстецами, либо чужеземцами. Знать, которую он приговаривал к смертной казни, могла рассчитывать на удавку. Что же касается рабов или особо опасных преступников, то им была уготована жестокая казнь — распятие. Три дня агонии, в течение которых обнаженный казнимый боролся за жизнь, подтягиваясь на теряющих силы руках и пытаясь удержаться на прибитых к кресту ногах. Чтобы отбить охоту снова поднимать восстание, которое все еще продолжалось в Иудее, несмотря на двадцать лет жестокой римской колонизации, приходилось прибегать по меньшей мере к этому.

Среди сегодняшних осужденных был и один галилеянин. Человек, который, если верить неутраченной молве, изгонял демонов, возвращал зрение слепым, врачевал парализованных и даже воскрешал умерших. Его ученики видели в нем Мессию, того спасителя, которого пророки Иеремия и Исаяя пообещали иудейскому народу.

Мессия!

Само это слово вызывало у Понтия Пилата тошноту. Сколько таких мессий уже было уничтожено Римом с тех пор, как Иудея стала провинцией империи? В большинстве своем они приходили из Галилеи, находившейся на севере

Палестины, так что слово «галилеянин» стало синонимом слова «смутьян». Повсюду на своем пути они провоцировали беспорядки и возмущение. После пастуха Афронга, ессея Менахема, Иоанна Крестителя наконец-то назваться Спасителем дошла очередь и до Иешуа из Назарета. И сделал он это странным образом. Он стал бороться не с римскими работодателями, а с еврейским синедрионом.

В день Пасхи, когда двести тысяч паломников пришли к иерусалимскому Храму просить милостей Господних, этот Иешуа набросился на меновщиков, сидевших в святом месте, и на торгующих жертвенными животными. Его схватили, и он сразу же предстал перед иудейским судом синедриона. Первосвященник Каифа обвинил его в святотатстве, что по законам верховного суда немедленно влекло за собой смертный приговор. Но в условиях римского владычества только префект мог приговорить к смертной казни.

Понтий Пилат терпеть не мог Палестину. Это была самая убогая область империи и в то же время самая беспокойная. Во всех прочих провинциях уже царил *рaх romana*¹. Их жители почитали императора Тиберия так же, как и своих местных богов. И только иудейский народ признавал лишь своего Бога. Иудеи не работали в седьмой день недели, особому относились к своим женщинам, не ели свинины и считали совершенно естественным обрезание крайней плоти ребенку мужского пола на восьмой день после рождения. Опорой им служили их традиции. Неуважение этих традиций приводило к волнениям, тогда как первостепенной задачей Пилата было сохранение мира, что было непросто. Ну а появление очередного «мессии» — это, несомненно, потенциальная опасность.

Арестованного привели к порогу суда, поскольку войти в дом к язычнику, пусть даже и к прокуратору, было бы настоящим поношением для священников. Дверь распахнулась,

¹ *Рaх romana* — «римский мир». Период, когда в империи практически не было внутренних конфликтов (*лат.*).

и на самом верху лестницы показался паланкин Пилата, сделанный из бронзы и слоновой кости. Префект наклонился чуть вперед, чтобы получше рассмотреть того, кем ему сегодня придется заниматься. Перед его взором предстал сын простого плотника, называвший себя посланцем Божиим, кроткий проповедник хрупкого телосложения, чьи меткие слова приводили в смятение местную аристократию. На лице его были видны следы ударов, которые ему нанесли при задержании. Его пурпурная туника была вся заплевана. Но глаза его излучали спокойствие, что вызывало у Пилата странные чувства. От этого пронизывающего взгляда прокуратору становилось не по себе, и ему с трудом удавалось это скрывать.

Представляет ли этот человек, какие страдания его ожидают? — спросил он себя.

Холм, на котором приводили в исполнение смертные приговоры, находился за стенами священного города. К нему вела узкая дорожка, проходящая между кучами строительного мусора. Кроме осужденных и их палачей мало кто ходил на Голгофу. На земле, среди куч экскрементов, догнивали остатки брошенных крестов, рядом с которыми в общей могиле валялись черепа и скелеты, пересыпанные известью.

На вершине холма, на фоне потемневшего неба, трое распятых прилагали все усилия, чтобы каждое дыхание не стало последним. Привязанные за изможденные руки к крестам, низко опустив головы, они едва сносили невероятные мучения, которые постепенно отбирали у них жизнь. Пот, стекавший с них ручьями, приводил к обезвоживанию, усугублявшемуся нехваткой воздуха. У каждого из них грудь вздымалась, выдавливая все внутренности в нижнюю часть живота, который раздувался прямо на глазах.

Крест с назарянином установили в центре, между крестами с двумя бунтовщиками. На голову ему водрузили терновый венец в качестве насмешки над тем, что он называл себя царем иудеев. Кровь струйками стекала по его загорелому лицу и, запекаясь, собиралась на бороде.

Одна капля сорвалась с трехметровой высоты и упала на центуриона, исполнявшего приговор. Сидя верхом на лошади, облаченный в доспехи, он машинально утер лоб и поднял светлые глаза на распятого.

Палач встретился взглядом с жертвой.

Взор несчастного был совершенно беззлобным.

За двадцать пять лет службы этот офицер ни разу не испытал сострадания к врагам Рима, но что-то в этом человеке — он и сам-то не понимал что — вывело его из состояния равнодушия до такой степени, что поведение его солдат, игравших в кости на тунику несчастного, внезапно показалось ему недостойным. Центурион вынул из ножен свой меч и бросил его в их сторону. Лезвие разрезало кожаный стаканчик для игры в кости, переходивший из рук в руки. Легионеры вовремя выпустили его из рук, иначе они остались бы без пальцев.

Офицер повернулся к трем бедно одетым женщинам, которые молились, стоя на коленях среди нечистот, не обращая на это никакого внимания. Две из них, те, что помоложе, поддерживали пожилую и плакали, побивая себя в грудь.

А где же называвшие себя учениками галилеянина? — недоумевал офицер.

Неужели те Двенадцать, избранные апостолами, покинули своего учителя и теперь трясутся от страха, что их постигнет такая же судьба? Из мужчин присутствовали при казни только Симон Киринаеянин и Иосиф Аримафейский. Симон, шатаясь, нес вместе с приговоренным двадцатипятикилограммовый *patibulum*¹, к которому были привязаны его руки, когда он поднимался на Лобное место. Что касается Иосифа, то этот богатый член синедриона отдал умирающему гробницу, построенную для его семьи.

Центурион последний раз окинул взглядом распятого и понял, что тот уже потерял сознание. Небо над ними потемнело

¹ Patibulum — поперечина креста, к которой прибивали запястья распинаемого (лат.).

сильнее всего. Черные тучи нависали над Голгофой и находившимися рядом оливковыми рощами. Казалось, что наступила ночь, хотя на самом деле было всего лишь три часа пополудни.

Поднялась настоящая буря, прогнавшая кружащихся над приговоренными стервятников с жадно раскрытыми клювами. Где-то на горизонте прогремел гром, и сильный ливень обрушился на холм. Испуганные солдаты вскочили на ноги и стали всматриваться в небо, пытаясь распознать какое-либо предзнаменование. Ужас охватил их.

Все это — предрассудки, — решил центурион.

Желая поскорей покончить со всем этим, он приказал сломать ноги распятым и тем самым ускорить их смерть. Один из легионеров взял дубинку, подошел к первому из осужденных и исполнил приказание своего начальника. Будучи больше не в состоянии опираться на ноги, чтобы дышать, несчастный быстро умер, задохнувшись.

Одна из женщин, стоявших у ног распятых, по имени Мария Магдалина бросилась к сидевшему на лошади офицеру и, обхватив его ногу, взмолилась:

— Центурион, тут со мной его мать! Избавь ее от этого зрелища, ради Бога!

— Назад, женщина! — прикрикнул офицер, высвобождая ногу из ее рук.

— Ты же видишь, что ее сын уже мертв, — не унималась она.

— Не тебе об этом судить! Уйди с дороги!

Он с силой оттолкнул молодую женщину, и та упала в грязь. Мать галилеянина бросилась к ней и помогла подняться. В глазах этой старой селянки центурион прочел отчаяние, и в нем снова пробудилось сострадание, отчего ему стало не по себе. Он повернулся к солдату, собиравшемуся уже переломать ноги второму распятому, и приказал:

— Оставь его мне, а сам займись пока третьим!

Центурион схватил копьё и пришпорил своего скакуна, который понесся к кресту, что стоял в центре. Резким ударом

он пронзил бок «царя иудейского». Кровь, брызнувшая из раны, смешалась с дождевой водой.

Сливаясь с шумом непогоды, плач стал громче. Вскоре ливень окончательно разогнал всех родственников и близких распятых, а также тех немногочисленных зевак, что пришли посмотреть на казнь.

Всех, кроме одного.

Это был семилетний ребенок, оставшийся незамеченным взрослыми. Он все так же стоял чуть ниже на склоне холма, не отрывая взора от человека, распятого на кресте в центре.

Мальчик не плакал.

Выражение его лица выдавало злобу по отношению к спасителю, который все отдал другим, а ему досталось так мало. Это был Давид из Назарета. И о нем-то и будет наш рассказ.

ИЕРУСАЛИМ,
ИУДЕЯ,
ГОД 37

С емь лет пролетело со дня казни галилеянина, о котором с тех пор ходили самые невероятные слухи. На третий день после положения в гроб его тело исчезло. Неужели оно было похищено его апостолами, как это утверждал Пилат? А если это так, как же тогда похитители отвлекли охранников, выставленных прокуратором перед *голалом*, огромного размера камнем, который был привален к входу в гробницу?

Первосвященник Каифа объяснял все просто: тело не было положено в гробницу. Иосиф Аримафейский и Никодим, опасаясь, что синедрион прикажет уничтожить тело, сочли, что лучше будет отнести его в другое место, в пещеру, о которой никто не знал. Возможно, оно было захоронено в Самарии или в Галилее, на которые не распространялось его влияние? Вызванные для пояснения два фарисея полностью отрицали это перед своими собратьями и представили весомые доказательства.

Тогда первосвященник приказал своим изошренным шпионам втереться в доверие к ученикам Христа, выдав себя за уверовавших в него. Но они не вывели ничего такого, что подтверждало бы его предположение. Хуже того, по утверждению апостолов, Иешуа являлся им множество раз, и не призраком, а как живой человек. Он преломлял вместе с ними хлеб. Бог воскресил их Учителя, вызволил его из обьятий смерти, а тем, кто уверовал в него, было обещано, что однажды они дождутся такой же милости. И такого рода бредни распространились по всей Палестине.

На сегодняшний день секта Назарянина насчитывала свыше пяти тысяч членов. И хотя распятый не освободил Израиль,

его приверженцы продолжали называть его мессией и крестить иудеев его именем. Простолюдины, не посвященные в содержание Писания, тем не менее оказались восприимчивыми к его толкованию, которое давали эти невежественные выдумщики, проповедовавшие любовь к ближнему. Каждый день появлялись новые обращенные, они присоединялись к этой отчаявшейся черни, готовой уверовать во что угодно.

По всем признакам положение было тяжелым. Угнетенный народ страдал от налогов, установленных Римом: во-первых, двойной прямой налог, на землю и подушный, а помимо него еще и налог на жилище, дорожная пошлина, акциз и десятина. Пятую часть урожая фруктов и изготовленного вина, десятую часть собранного зерна следовало отдавать цезарю. Неплатежеспособные иудеи брали в долг у местных сборщиков податей, закладывая при этом принадлежащие им земельные участки, и те, кто был не в состоянии погасить свой долг, теряли все. У них не оставалось другого выбора, кроме как попрошайничать у городских ворот или присоединиться к грабителям с большой дороги.

Нищета способствовала росту рядов zelотов, эти патриоты-фанатики вели непрерывную борьбу с оккупантами и не останавливались перед убийством иудеев, сотрудничавших с Римом. Они утверждали, что сами священники продажные, а значит, не имеют никакого права отстаивать Закон Моисеев.

Вероятность волнений была крайне высокой в 37 году, когда Иешуа из Назарета уже не было в живых. Рано или поздно неминуемо произойдет столкновение с империей, что было бы фатальным для Каифы и его нового протеже Савла Тарсийского, занимавшего должность начальника охраны Храма.

Дверь приюта распахнулась, и солдаты синедриона накинулись, как ураган, на спящих назарян. Стоя на пороге, Савл, низкорослый лысый бородач лет сорока, наблюдал